

Основная трудность в модернизации образования, которую мы наблюдаем последние десять лет, – это некомплексность мер, с одной стороны, и слабый учет последствий и рисков, с другой. Некомплексность приводит к резкому снижению эффективности тех мер, которые реализуются, а также к получению результатов, которых «не ждали». В итоге общество разочаровывается в реформах, относится к ним с опаской и даже становится невосприимчивым к нововведениям. И это, кстати, очень вредит восприятию инновационной эко-

номики. Второй момент – это приукрашивание конечного результата. Он видится в розовых тонах, а риски и негативные последствия затушевываются и преуменьшаются. Как правило, мы сначала ввязываемся в бой, а потом начинаем считать последствия и реальные ресурсы, необходимые для преобразований. В силу инерционности системы образования негативные явления проявляются далеко не сразу, впрочем, как и позитивные. И эту сложность модернизации системы образования в целом, и профессионального в частности, нельзя не учитывать.

Поступила в редакцию 07 декабря 2010 года.

И.В. Абанкина

НИУ Высшая школа экономики,
Москва

Инновационная экономика и индустриальная модель университетов: тест на совместимость

Сложная и противоречивая ситуация в высшем образовании в России во многом обусловлена сохранением отраслевого подхода к решению проблем, попыткой вдохнуть жизнь в индустриальную модель, которая безвозвратно уходит в прошлое. Эта модель неразрывно связана с административной системой управления университетами, назначением ректоров, она направлена на латание дыр, а не на стратегические перспективы и не на создание условий для креативности и роста профессионализма. Для преодоления интеллектуального и технологического отставания России необходимо наращивать потенциал креативности. Креативность – особое измерение, для ее формирования нужны специальные условия, прежде всего свобода творческого поиска, исследований, свобода думать, проектировать, пробовать, ошибаться... Дело не в том, что знания выпускников вузов, работающих в индустриальной модели, слабее, чем в креативной. Дело в том, что у них – «небо высотой в хвост собаки». Это образное выражение хантов точно отражает суть проблемы – можно ли перейти к инновационной экономике с индустриальной моделью университетов?

При всем сходстве решений, принимаемых в Европе и России, принципы, на которых основаны эти решения, часто оказываются противоположными. При переходе на новые механизмы финансирования, ориентированные на результат (Performance Funding Model), европейские страны основывали

свои действия на концепции, предусматривающей максимизацию поддержки стратегических решений при минимизации вмешательства чиновников в дела университетов. Всеми было признано, что автономия превращается в один из главных факторов, способствующих повышению качества и конкурентоспособности. Автономия выражается в том, что университеты владеют активами, сами решают инвестиционные вопросы, менеджмент университета полностью несет ответственность за финансовую деятельность и осуществляет ее контроль, включая долгосрочные программы, нанимает персонал вуза и несет за него ответственность, платит выходные пособия и пенсии, а также пособия по безработице. Внешне российские законы об автономии очень похожи на те, которые установлены в европейских странах, но по существу они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития. Даже недавно принятый ФЗ 83 о правовом статусе бюджетных учреждений уже на стадии подготовки к его одобрению обязывает университеты (как и бюджетные учреждения в других сферах) ежегодно разрабатывать и утверждать в министерстве у заместителя министра план финансово-хозяйственной деятельности по дробным статьям экономической классификации расходов, т.е. фактически утверждать ту же самую

смету. По окончании финансового года не сам университет, а министерство, т.е. чиновники, будут принимать решения о направлениях расходования финансовых остатков. Это означает, что если деньги поступили в университет в ноябре, то надо быстро-быстро их истратить, поскольку нет никакой гарантии, что они останутся в распоряжении университета на следующей год. Я уже не говорю о сохранении счетов в Казначействе и обязанности применять ФЗ-94 для осуществления любых закупок, в том числе при заключении договоров на научные и проектные работы. Получается, что стратегические решения обслуживаются неадекватными механизмами финансирования – вместо устойчивого финансирования на долгосрочной основе вновь и вновь подспудно воспроизводятся механизмы текущего сметного финансирования, не оставляющего университету никакой свободы, никакого маневра для развития. Даже если финансирование университетов увеличивается, то прав в распоряжении финансовыми ресурсами не прибавляется, системных изменений осуществить не удастся. А увеличение финансирования вполне заметное: так, в 2004 г. общий объем бюджетного финансирования 332 вузов Рособразования составлял 47,3 млрд руб., тогда как в 2009 г. он достиг уже 157 млрд руб. За последние четыре года (с 2006 по 2009 гг.) в среднем расходы бюджета в расчете на одного студента увеличились с 49,1 до 101,4 тыс. руб. (92,5 тыс. руб. с учетом инфляции). Но качественных изменений не наблюдается: мы теряем места в международных рейтингах университетов, растет неудовлетворенность общества и работодателей. В результате получается, что мы из года в год во все возрастающих масштабах, невзирая на кризис, финансируем образование низкого качества и не даем возможности осуществить институциональные изменения, перейти к стратегическому менеджменту в университетах.

В ходе эмпирического исследования экономического поведения вузов в условиях реформ в период 2006–2009 гг. были выявлены следующие тенденции:

- стремительный экстенсивный финансовый рост;
- концентрация финансовых ресурсов в крупных и сверхкрупных вузах;
- формирование вузов-гигантов;
- поляризация экономического позиционирования вузов.

В 2006 г. среди 332 вузов Рособразования было всего 3 вуза, в каждом из которых объемы бюджетного финансирования превышали 1 млрд руб. Их доля в общем объеме финан-

сирования составляла всего 2,5%. В 2009 г. таких вузов стало уже 28, и их доля в общем объеме финансирования выросла до 31,7%. Аналогично увеличилось число вузов с финансированием более полумиллиарда рублей в год. В 2006 г. таких вузов было 14, а их доля в общем объеме финансирования составляла 14,7%. В 2009 г. их стало 72, и доля увеличилась до 30%. Поэтому сегодня 100 крупных вузов Рособразования стягивает на себя более 60% общего объема финансирования. Однако такая концентрация финансовых ресурсов вовсе не привела к системным изменениям. Мы наблюдаем отставание институциональных реформ, несомасштабность сложившегося проектного менеджмента в крупных вузах росту финансовых ресурсов, слабую чувствительность вузов к внешним угрозам: финансово-экономическому кризису, демографическому спаду, снижению платежеспособного спроса, особенно в регионах России. Но критическое положение состоит в том, что происходит замораживание развития кадрового потенциала и устаревших управленческих технологий. Мы назвали это эффектом Левиафана: как известно, Левиафан структурно та же самая рыбка, но только огромная и злобная. «Короткие» деньги, получаемые университетами по смете, цементируют индустриальную модель университетов, они не могут сыграть роль катализатора реформ. Ресурс автономии не используется.

Для образования более адекватны методы управления, характерные для современного управления сетью, а не отдельным учреждением или организацией. Это намного сложнее, поскольку требует многоаспектного фокусирования, гибкого сочетания принципов административного руководства, косвенного экономико-финансового воздействия, деликатного стимулирования. Концептуальной основой такого подхода служит теория сигналов и фильтров. Управление университетами ориентировано на деятельностные принципы, на актуализацию будущего в настоящем, на то, что принято называть *action-education & action-research*. Для этого учебное заведение, конечно, должно обладать свободой в стягивании и переброске ресурсов, владеть технологиями фандрайзинга. Это не отменяет принципов прозрачного бюджетирования и общественного контроля, а, наоборот, заставляет использовать эти механизмы максимально эффективно. В настоящее время наиболее успешными в плане обеспечения инновационного характера развития образовательной деятельности становятся такие учебные заведения, в которых одновременно разрабатываются процессы трех типов:

- образовательные технологии, обеспечивающие интеграцию проектных и исследовательских задач в учебный процесс;
- проекты, связанные с развитием различных технологий, секторов и отраслей экономики;
- исследования как фундаментального, так и прикладного характера.

Эффективное сочетание всех трех процессов при создании и обновлении образовательных программ обеспечивает их конкурентоспособность.

В обстоятельствах противоречивых сигналов рынка труда произошла ориентация профессионального образования на потребителей своих услуг и обучение по тем специальностям, которые потребители хотят получить. Таким образом, молодежь и родители стали считать две роли в отношении системы профессионального образования: они выступают и его потребителями, и заказчиками. Система образования замкнулась на их запросы, слабо ориентируется на сигналы со стороны рынка труда. Результатом отсутствия налаженных каналов обратной связи между системой образования и рынками труда стала несогласованность действий государства, образовательной системы и работодателей. Работодатели не имеют стратегических планов развития своего бизнеса на десять лет вперед, чтобы выступить ответственным заказчиком выпуска студентов по специальностям. Они знают, что им надо сегодня-завтра, но не через десять лет. Профессиональные стандарты, которые могли бы стать основой новых образовательных стандартов, разрабатываются крайне медленно, и для ключевых отраслей экономики их пока нет. В таких условиях область допустимых решений очерчивается продуманной политикой поддержки партнерства вузов и бизнес-сектора – компаний, корпораций, фирм, организаций некоммерческого сектора, а также высоким темпом обновления учебных программ, гарантирующих качество образования, соответствующее современным вызовам экономики и общества, а вовсе не угадыванием спроса на профессии через 5–10 лет. Вчера можно было услышать о ненужности инженеров, а сегодня – о перепроизводстве экономистов и юристов. Чтобы избежать такой разбалансировки, нужно инвестировать в самих студентов, в качество образования, в новые разработки учебных программ, основанных на научных исследованиях. Креативный потенциал будущих выпускников университетов – главный залог создания новых качественных рабочих мест.

В современных условиях спрос со стороны студентов предъявляется не только на те

знания, которые предлагаются университетами в форме курсов, дисциплин и предметов, но и на те компетенции и культурные стандарты, которые дает сам процесс обучения и пребывания в атмосфере университета. Речь идет о масштабной подготовке кадров для сектора услуг, который в новой экономике предъявляет новые требования к общекультурному уровню работников. Для того чтобы обеспечить развитие указанного сектора профессионального образования и одновременно придать импульс повышению качества, необходимо перейти от управления образовательными учреждениями к управлению образовательными программами. Как показывают исследования, молодое поколение россиян отличается высокой мобильностью: у многих смена работы после окончания университета происходит в течение двух-трех лет. Вливаясь в новый коллектив, молодые люди создают для себя новую точку развития, легко перемещаются, если видят перспективу. Мобильность – ресурс развития, в результате которой формируется поколение, существенно отличающееся от их родителей большим социальным опытом. Сегодня значимый креативный потенциал концентрируется в университетах, причем не только в элитарных, но в тех, которые открыты новому и развиваются динамично. Горизонтальная мобильность и движение человеческого капитала обязательно меняют его качество, позволяют быстрее вытеснять устаревшее, осваивать новое.

Современный университет можно рассматривать как микромодель нового общества с новой экономикой, как бы инкубатор общества, основанного на знаниях. Академические свободы, студенческое самоуправление, организация научных коллективов, включающих и профессоров, и студентов на принципах проектной самоорганизации, динамизм стремительного генерирования и освоения нового знания и компетенций, умение концентрировать интеллектуальные и финансовые ресурсы на ключевых точках роста – все это и есть желаемые характеристики современного университета. Такое же описание можно применить и к обществу, основанному на знаниях. Поэтому, предоставляя университетам свободу, сопряженную с механизмами финансирования на долгосрочной основе с правом самостоятельного распоряжения, мы получаем шанс перейти от тактических решений на принципах управления затратами к стратегическим решениям на принципах управления результатами, к инвестированию в креативный класс, который, как писал Р. Флорида, меняет будущее.

Поступила в редакцию 03 декабря 2010 года.